

УКРАИНА — ПОЛЬША: ПАРТНЕРСТВО БЕЗ ГРАНИЦ

АННА ФИРКОВСКАЯ-МАНКЕВИЧ,

Польская академия наук

IQ как прогноз жизненной карьеры¹

Abstract

The article is devoted to the captivating, though controversial phenomenon of the role of the intellectual facilities of human beings (measured by the standardized intelligence tests) in the dynamic relation tying the place in the social structure occupied by a given family with one's own position in adult life and one's career. I based my analysis on the Warsaw panel research being conducted during almost 25 years, starting in 1974 (when IQ and its socio-cultural dimensions were analyzed in the entire 14-thousand population of the Warsaw teenagers) and finishing in 1995–1999) (with the study group of life careers and actual intellectual facilities of the 30-year-olds from the original sample with a high and low IQ in their childhood). The results of analysis show that IQ seems a good prognostic of life career, understood in the terms of objective categories of social status. However, its role should not be overestimated, because there are other factors difficult to measure empirically – such as ancestry or traits of personality, which co-determine one's life career.

Введение

Статья, которую я хочу представить, основывается на результатах довольно неординарного исследовательского проекта, осуществлявшегося на протяжении почти 25 лет в четыре этапа в 70-х и 90-х годах прошлого столетия.

Первое и второе исследования проводились в 1974–1976 годах группой в составе Мирослава П. Чарковского, Анны Фирковской-Манкевич, Антонины Островской под руководством Магдалены Соколовской на базе Отдела социологии здоровья и медицины Института философии и социологии Польской академии наук в Варшаве. Результаты обоих исследований я опубликовала в 1993 году в книге “Спор об интеллекте человека — наследственность или окружающая среда” [8].

¹ *Firkowska-Mankiewicz A. IQ jako prognostyk kariery życiowej // Studia Socjologiczne. — 2002. — 2(165). — S. 15–37. Автор выражает благодарность анонимным рецензентам за конструктивные критические замечания.*

Третье исследование (двухступенчатое) было проведено в 1994–1995 годах в рамках гранта KBN по тематике “Биологические и психосоциальные барьеры в жизненных карьерах”. Исполнителем его первой части (с 1994 года) был Мирослав П. Чарковский, второй (с 1995 года) — фирма IQS, а результаты изложены в публикации “Способным быть... Жизненные карьеры тридцатилетних варшавян” [11]¹. Четвертое исследование проводил Институт научных исследований PTS в 1999 году — в рамках гранта KBN по тематике “Социальное происхождение и интеллект в сопоставлении с жизненной карьерой и успехом”. Его результаты готовятся к публикации (“Intelligenc and success in life”).

Тематика этих четырех исследований в самом широком смысле касается связи между местом в социальной структуре и интеллектом личности. Связь эта имеет динамичный характер, и центральным звеном в ней является уровень интеллекта человека. Этот уровень наряду с генетическими предпосылками, которые мы не будем здесь рассматривать [см.: 8], в значительной мере зависит от предыдущего звена — сложного соотношения биопсихосоциально-культурных факторов, “общим знаменателем” в которых выступает социальное происхождение и место родителей в социальной структуре. С другой стороны, собственный уровень интеллекта личности влияет на следующее звено, то есть на индивидуальную позицию личности в социальной иерархии в зрелом возрасте. При этом следует помнить, что здесь существует также обратная зависимость — социальная позиция человека, а именно его образование, а также характер и уровень сложности выполняемой им работы могут модифицировать его интеллектуальные функции [см.: 14; 17].

Предыдущее звено этого отношения — влияние социального происхождения личности на ее умственный уровень — было прослежено в двух исследованиях 1970-х годов. Первое из них охватывало в целом более 14 тысяч одиннадцатилетних варшавских детей, рожденных в 1963 году. Второе — углубленное — изучало выборку, состоящую из примерно тысячи тринадцатилетних подростков, выделенных из предыдущей выборки согласно критериям, полученным в первом исследовании на основе трех тестов, диагностирующих интеллектуальные функции².

Следующее звено — соотношение между интеллектуальным уровнем личности и ее социальной позицией — проанализировано в исследованиях

¹ В обеих публикациях содержатся подробные сведения о способе выбора исследуемых коллективов, а также об использованных исследовательских методах, в связи с чем я ограничиваю представленную в статье техническую информацию до минимума.

² Критериями отбора были результаты тестирования на основе Теста матриц в стандартной версии Равена, Теста узнавания слов Хойновского и Арифметического теста Гживак-Качиньской. Отобранная для углубленных исследований группа, насчитывающая 1171 ребенка, состояла из нескольких исследуемых подгрупп, среди которых две наиболее многочисленные составляли: 1) простую случайную выборку, включающую около 1% от 14 тыс. детей одного года рождения; 2) непропорциональную многослойную исследуемую подгруппу, состоящую из 7 слоев, дополняющую случайную выборку таким образом, чтобы в большей мере определить границы диапазона интеллектуальных функций и в меньшей — репрезентировать средние слои, то есть охватить исследованиями всех детей, набравших самые низкие (N = 123) и наивысшие (N = 145) показатели по Тесту Равена, и 5 средних слоев, насчитывающих каждый примерно по 100 детей.

1990-х годов, в рамках которых изучались поочередно 20 и 24 года спустя две специфические группы обследованных ранее детей, которым в момент данного исследования исполнилось соответственно 32 и 36 лет. Одна из этих групп охватывала лиц с относительно низким, другая — с относительно высоким уровнем так называемого тестового интеллекта, зафиксированного в возрасте 13 лет при помощи IQ, то есть коэффициента интеллекта по Векслеровой шкале интеллекта для детей (WISC)¹.

Каждое из четырех исследований, несмотря на единство тематики, связанной с соотношением между социальной структурой и интеллектом, основывалось на своей, отличной от других эмпирической базе (что касается размеров выборки) и сосредоточивало внимание на в чем-то не совпадающих вопросах. Попытаюсь, не углубляясь в подробности, изложить теоретические рамки и некоторые предварительные результаты этих исследований и, наконец, выяснить, является ли IQ как мера интеллектуальных функций достаточным основанием для прогнозирования жизненной карьеры, а также какие еще факторы могут иметь значение для жизненного успеха.

Теоретические рамки

Несмотря на то, что исследованиям и размышлениям на тему интеллекта посвящены тысячи публикаций, все еще далеко до создания полной и об-

¹ В 1994 году при помощи почтового анкетирования родителей респондентов были собраны основные актуальные социодемографические сведения о всех лицах (N = 101), у которых коэффициент интеллекта в 13-летнем возрасте, согласно WISC, составлял от 69 до 85 баллов и находился в пределах так называемой нижней интеллектуальной нормы, а также о всех лицах (N = 170), которые были отнесены к так называемой верхней группе со средним IQ выше 130 баллов.

В 1995 году специальное исследование охватывало исключительно группу с наивысшими показателями, причем на последней стадии анкеты провели обширное психосоциальное анкетирование 141 участника исследований (83% первоначальной группы), в частности по поводу так называемой жизненной карьеры. Среди оставшихся за рамками исследования более половины составляли лица, которые выехали из Польши или из Варшавы и с которыми невозможно было установить контакта; остальные либо отказались принимать участие в исследованиях, либо с ними не удалось связаться по другим причинам [см.: 11].

В 1999 году снова обратились к респондентам, обследованным в 1994–1995 годах. Основной целью был диагноз уровня их интеллектуальных функций на момент данного исследования при помощи Теста матриц в стандартной версии Равена. Этот факт (наряду со вступлением в силу Закона об охране личных данных), скорее всего, стал причиной более частых отказов от участия в исследованиях. В итоге в группе с наивысшими показателями было исследовано 97 лиц (69% исследуемых этой группы на 1995 год). Кроме описанных выше факторов причиной уменьшения числа исследуемых была необходимость отказаться от исследования лиц, проживающих за границей и в 1995 году согласившихся принять участие в исследованиях заочно. Численность группы с самыми низкими показателями, данные о которой получены в рамках исследований, проведенных в 1994 году, резко уменьшилась (со 101 до 49). В этой группе оказалось значительно сложнее отыскать респондентов, в частности в связи с их часто патологическими судьбами (отсутствии постоянного места жительства, частые смены адреса, беспорядочный образ жизни), а также нежеланием заполнять анкеты.

щепризнанной картины, отражающей его природу, факторы и характер развития, а также роль в жизни людей.

Проблематика эта все еще связана с множеством вопросов, неясностей и разногласий, сопряжена с сильными эмоциями и спорами о последствиях, выходящих за рамки мира науки. Главной осью этих споров является проблема генетических и заданных окружением, или шире — биологических и социальных детерминант интеллекта. В истории исследований по этой тематике можно заметить довольно радикальные повороты — от крайней биологизации феномена, исходящей из примата генов, до крайней социологизации и провозглашения верховенства окружения. В 1970-е годы казалось, что спор между этими двумя подходами уже совсем отошел в прошлое, так как никто в принципе не оспаривал тот факт, что интеллект является полигенным по природе свойством, то есть явно детерминированным биологически, но вместе с тем пластичным, поддающимся влиянию окружения [8].

Однако в последнее время мы являемся свидетелями очередного ренессанса биологистических тенденций, что выражается у одних исследователей в более взвешенных терминах по сравнению с прошлым [3; 18; 19], а у других, как и раньше, провокационным образом. Я имею в виду книгу Хернштейна и Мюрея “The Bell Curve”, в которой авторы популяризируют тезис о якобы неизбежном расслоении общества будущего на узкий слой интеллектуальной элиты, занимающей вершины социальной иерархии, и обделенный интеллектом андеркласс — социальные низы, охваченные характерными для них безработицей, преступностью и рядом других проблем из сферы социальной патологии [13; 17].

Одной из целей варшавских исследований было пролить свет на важные аспекты описанного выше спора. Полученные данные давали возможность проанализировать соотношение между местом в социальной структуре и интеллектом индивида в самом широком контексте факторов и условий. Исследований, проводимых на таких основаниях, пока довольно мало, так как они упираются в труднопреодолимые препятствия — в основном организационного и финансового характера, но также и сущностного. Трудности эти обусловлены огромным числом биопсихических и социокультурных факторов и опосредствующих звеньев в соотношении между местом семьи в социальной структуре и интеллектуальным уровнем личности и ее собственным социальным статусом. Практически невыполнимой задачей является учет всех составляющих этого феномена в одном исследовательском предприятии. Неудивительно, что в литературе мы имеем дело в основном с частичным, фрагментарным анализом интересующей нас зависимости.

Уникальную ценность имеют в связи с этим исследовательские проекты, осуществленные в 70-е и 90-е годы минувшего века в Институте философии и социологии ПАН. Их положительной чертой, наряду с научно-дискуссионным характером, является учет большого спектра опосредствующих переменных, необходимых для интерпретации зависимости между социальным происхождением и IQ индивида, с одной стороны, и его собственным социальным статусом во взрослом возрасте — с другой. Практически каждый аспект (разве что за исключением макроструктурного) — то есть мезо- и микроструктурный, а также индивидуальный, личностный уровень личностных и биологических переменных — был хотя бы обозначен либо более или менее исчерпывающе принят во внимание в этом анализе.

Характеристика и основные результаты варшавских исследований 1970-х годов

Собственно макросоциальный уровень не был исследован, так как мы не сравнивали непосредственно данные, полученные нами, с результатами исследований, проводимых в других странах. Однако сам факт, что в сферу наших интересов попали вопросы, изучаемые на протяжении многих лет в западных странах (например, влияние места жительства и обучения на связи между социальным происхождением и умственным уровнем детей), дает основания для рефлексии над характером этих соотношений в странах с разными социально-политическими системами (см. заметки по этому поводу в статье журнала “Science”, написанной нами совместно с американскими коллегами, по сути, инициировавшими варшавские исследования) [6]. На момент реализации исследований 1974–1976 годов Польша уже на протяжении трех десятилетий жила по принципам реального социализма — системы, провозглашающей лозунги равенства и обещающей реализацию основ эгалитарной общественной политики. Надо признать, что воплощение в жизнь этих принципов привело к значительно большему, чем в капиталистическом обществе, выравниванию жизненных стандартов и условий жизни населения.

В сфере мезоструктуры это выразилось в “экологизации” Варшавы, обусловленной, во-первых, тогдашней жилищной политикой (предполагающей единые стандарты жилищного и коммунального строительства и эгалитарные правила предоставления квартир), а во-вторых, образовательной (гарантирующей единообразие системы образования и условий обучения, а также общедоступность образования). В сфере микроструктуры влияние тогдашней общественно-политической системы сказалось в определенной социальной политике по отношению к семьям, формирующей условия существования в основных сферах жизни — материальной, культурной, здравоохранения и т.д.

Обе эти сферы — мезоструктурная и микроструктурная — были подвергнуты в варшавских исследованиях 70-х годов подробному анализу, охватывающему чрезвычайно большой круг факторов. Это позволило создать относительно полную картину соотношений между социальным происхождением ребенка (социально-профессиональной категорией родителей, являющейся оперативным показателем социальной позиции) и результатами тестовых исследований его умственного уровня (в форме коэффициента интеллекта IQ).

Выбор Варшавы как базы исследования интересующей нас зависимости сделал возможным квазиэкспериментальное исследование соотношения между социальным происхождением и IQ. Этот выбор был продиктован предположением, что в Варшаве в силу исключительной констелляции исторических и социально-политических обстоятельств сложились специфические, иные, чем в западных странах, условия для исследования влияния микроструктурных коррелятов социального статуса семьи на умственный уровень детей (при прочих равных мезоструктурных условиях). В связи с почти полным разрушением города во время Второй мировой войны и сменной общественно-политического строя, что стало фактором унификации жилищных условий и обучения, казалась правомерной гипотеза (которую и следовало проверить исследованиями), что в Варшаве как место проживания

ния, так и школа — важные мезоструктурные корреляты социальной позиции в западных странах — практически полностью утратили свое значение как показатели классово-стратификационной принадлежности. В заново отстроенной столице практически исчезли старые бедные и богатые районы и утратили свой характер традиционные интеллигентские и рабочие анклав-вы. Зато появились новые районы с изрядно унифицированной городской инфраструктурой (особенно по части образовательных заведений, сферы обслуживания, медицины и т.п.) и практически идентичными стандартами жилищного строительства. Относительно независимая от классово-стратификационной принадлежности политика распределения квартир и районирования школ, ведущая к тому, что в 1950–1970 годах в принципе не было свободы выбора школы, привели к еще большей унификации связанных с городской средой и школой условий воспитания. Естественным стало то, что выходцы из семей интеллигентов и рабочих жили в одном районе, в одном доме и учились в одной школе. Такая ситуация позволяла выявить в меру “чистый”, не затронутый этими факторами эффект социального происхождения и его стратификационных и психологических социальных и культурных коррелятов на познавательную компетенцию детей.

Целью первого варшавского исследования было выяснение зависимости между социальным происхождением ребенка и его умственным уровнем в стране, где идея социального равенства была составляющей господствующей идеологии, и в городе, где реализации этой идеи, особенно что касается создания унифицированной городской и школьной среды, способствовало его тотальное уничтожение во время войны. Речь шла, во-первых, о формировании зависимости между социальным статусом родителей и IQ детей, подобии или специфике этих процессов в сопоставлении с капиталистическими странами (макроструктурный уровень), а во-вторых, о модификации и ее степени в условиях эгалитарного района и школы, форме и силе зависимости между социальным происхождением и умственным уровнем детей (мезоструктурный уровень). Нас также интересовало влияние на IQ основных социально-демографических свойств семей, таких как возраст и географическое происхождение родителей, их образование и профессиональная активность, жилищные условия и структура семьи (микроструктурный уровень).

Вопреки предположениям некоторых исследователей, что в ситуации нивелирования различий окружения (например, принудительно единой системы обучения и единых жилищных стандартов) различия в умственном уровне детей должны уменьшаться [см.: 1], варшавское исследование показало, что зависимость между социальным происхождением и умственным уровнем детей не только не ослабла, но обозначилась еще четче, чем можно судить по большинству западных исследований. Именно так следует интерпретировать полученный в варшавском исследовании один из наивысших на фоне встречающихся в литературе коэффициентов корреляции (порядка 0,44) между социально-профессиональной принадлежностью родителей и тестовым показателем умственного уровня детей. Тем самым подтвердился другой тезис, согласно которому по мере уменьшения различий во внешнем окружении (среде) различия в интеллектуальных функциях людей, происходящих из высших и низших социальных слоев, скорее увеличиваются, чем уменьшаются [4; 21].

Основной вывод, вытекающий из первого варшавского исследования, сводится к тому, что соотношение между социальным происхождением и тестовым уровнем интеллекта детей по своему характеру не зависит от общественного строя, проявляясь в Варшаве еще более выразительно, если учесть относительно небольшие различия среды, в которой живут и учатся дети. Так что надежды на то, что по мере общего улучшения условий среды развитие тестового уровня интеллекта детей будет в меньшей мере зависеть от социального положения родителей, а также от всего связанного с ним багажа биологического и культурного наследия, оказались тщетны.

Второе варшавское исследование было посвящено выяснению двух вопросов: 1) какие элементы этого наследия имеют решающее значение для развития познавательных компетенций детей; 2) можно ли говорить об одних и тех же решающих факторах в семьях, занимающих разное положение в социальной иерархии. В основе этих изысканий лежало убеждение, что ключ к пониманию сути взаимосвязей между социальным происхождением и IQ детей следует искать в культурно-социализационной и экономической специфике жизни семей.

В данном социологически ориентированном исследовании, однако, не упускались из виду биологические и личностные переменные, хотя трактовались они в рамках концептуализации исследования исключительно как контрольные переменные. К ним мы относили, во-первых, оценку умственного уровня матери, во-вторых, пол и состояние здоровья детей, наконец, в-третьих, определенные свойства их личности (самооценка, мотивация учебы, локализация контролирующих инстанций). Показателем познавательных компетенций были результаты, полученные детьми по шкале Векслера (WISC). Анализ собранных материалов подтвердил основную гипотезу исследования, согласно которой трансляция влияния социального происхождения на интеллектуальные функции детей опосредуется сложной цепочкой биологических факторов и социокультурных условий среды.

Итак, IQ варшавских подростков оказался более всего зависимым от их индивидуальных биологических свойств — состояния здоровья и пола (18,8% объясняемой вариантности); далее почти в равной мере на IQ влияли: уровень интеллекта матери (опосредуемый ее социально-профессиональной принадлежностью, образованием и уровнем доходов — 14,5% вариантности); качество родительского воспитания — прежде всего требования родителей к ребенку, демократичный, лишенный строгого контроля стиль воспитания (13,5% вариантности). Вполне явственно обозначилась цепочка взаимозависимостей, выражаемых в лаконичной формулировке: “натура через воспитание” (nature via nurture) [18].

Все сказанное выше подтверждает значение социального происхождения и его биологических, психологических, социальных и культурных коррелятов для развития интеллектуальных компетенций детей.

Панельные исследования 1990-х годов

Однако неизбежно возникает еще одна исследовательская проблема: что произошло с детьми с разным умственным уровнем и из разного социального окружения по достижении зрелого возраста; каковы их судьбы и жизненные карьеры; чего удалось им достичь в жизни; каков уровень их образования и профессиональной квалификации; достигли ли они, в собст-

венном понимании, жизненного успеха, и как этот успех определяют; какие факторы — кроме социального происхождения и интеллектуальных возможностей — оказались важными для их нынешнего социального статуса и жизненной карьеры? Одним словом, речь шла об исследовании описанного раньше звена цепочки: “занимаемое семьей место в социальной структуре → интеллектуальный уровень личности → собственный социальный статус, достигаемый в будущем”. Изучение этой последовательности стало возможным благодаря гранту КВН, полученному для проведения исследования под рабочим названием “Биологические и психосоциальные барьеры жизненных карьер”.

Исследования, проводимые в 1994–1995 годах, совпали со временем с очередной радикальной сменой политического строя и далеко идущими переменами в общественной и экономической жизни в направлении рыночной экономики, которые влекли за собой постепенную дифференциацию условий жизни, возможностей обучения, реалий рынка труда и т.д. Исследуемые, к тому времени уже тридцатилетние люди, в большинстве своем получили воспитание и образование во времена реального социализма и начинали профессиональную карьеру слабо подготовленными либо вообще неготовыми к довольно резко изменяющимся правилам свободного рынка. В ситуации, когда полученное образование, составлявшее один из главных рычагов профессионального успеха в предыдущие годы, все чаще оказывалось не столь уж важным, вполне обоснованной представлялась гипотеза о том, что особо существенным фактором в ходе их жизненных карьер мог стать именно уровень интеллекта.

Итак, для исследования мы выбрали две группы людей, отличавшихся показателями коэффициента интеллекта в возрасте 13 лет. Первая из них представляла, так сказать, нижнюю норму интеллектуальных функций; вторая состояла из людей с показателем IQ выше среднего уровня. Это исследование, в котором родители респондентов информировали нас о судьбах своих детей, об уровне их образования, социально-профессиональной принадлежности и активности, жилищной и семейной ситуации, а также жизненных успехах в целом, отчетливо показало, как кардинально отличаются их судьбы и жизненные карьеры. Это иллюстрируют три диаграммы (рис. 1–3).

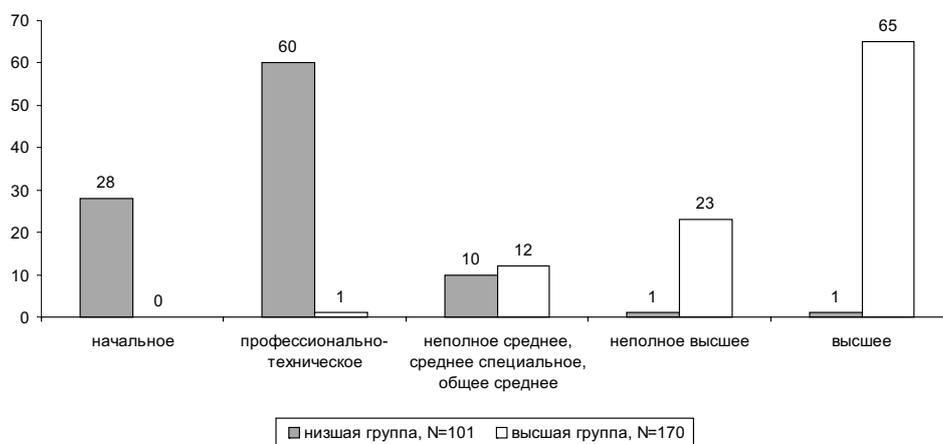

Рис. 1. Уровень образования людей с низким и высоким IQ, %

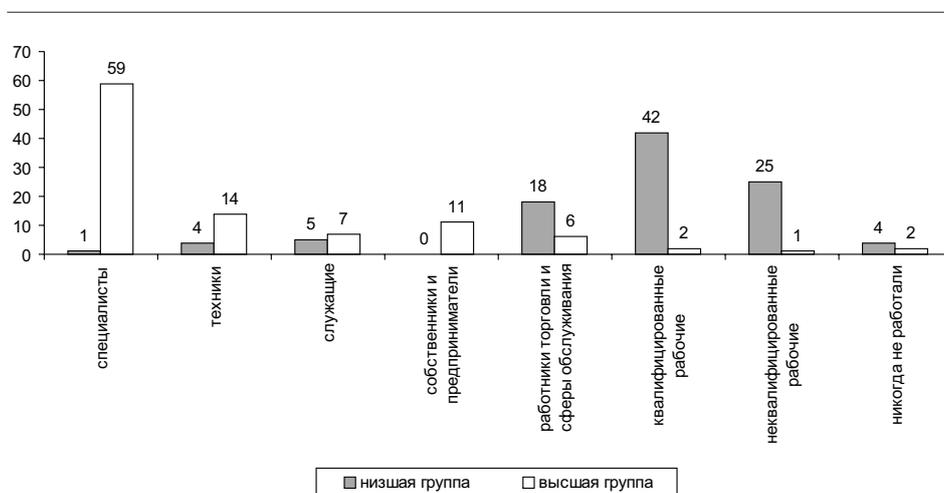

Рис. 2. Социально-профессиональная принадлежность людей с низким и высоким IQ, %

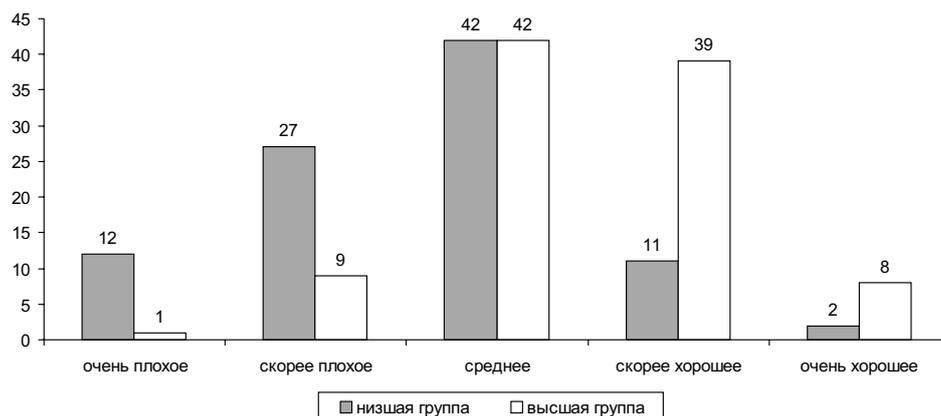

Рис. 3. Оценка материального положения людей с низким и высоким IQ, %

Тенденциозный интерпретатор этих результатов мог бы на их основании убеждать нас, что такие резкие различия в жизненных карьерах по уровню образования, профессиональному статусу и материальному положению предопределены различиями коэффициентов интеллекта, зафиксированными в детстве. Однако можем ли мы подписаться под такой интерпретацией?

Чтобы такой вывод был оправдан, следует, во-первых, доказать, что люди с низким либо высоким IQ, зафиксированным в детстве, сохранили такой же низкий либо высокий уровень интеллектуальных функций, став взрослыми. Это известная в психологии проблема, касающаяся изменения IQ с возрастом. Однако в исследованиях 1994–1995 годов мы не имели возможности на тот момент диагностировать уровень интеллектуальных компетенций респондентов по достижении зрелости.

Во-вторых, следовало бы доказать, что на жизненные карьеры респондентов не повлияло их социальное происхождение, в большей мере определяющее материальную и культурную среду, в которой они воспитывались в детстве. Но, как следует из наших исследований, социальное происхождение

ние и связанные с ним материальные, культурные и психосоциальные факторы семейной среды этих групп детей сильно коррелировали с IQ: дети с IQ выше среднего в большинстве случаев происходили из семей интеллигентов и работников умственного труда и воспитывались в значительно лучших условиях, чем дети с коэффициентами в пределах нижней нормы, происходящие в большинстве своем из рабочих семей с уровнем образования родителей, чаще всего не превышающим начальной школы, с худшими материальными условиями и более бедной культурной базой. В такой ситуации сложно определить, в какой мере и на уровень IQ, и на дальнейшую судьбу повлияли собственные интеллектуальные способности индивида, а в какой интеллектуальное развитие, образовательные и профессиональные перспективы ограничены вследствие воспитания в бедной и мало стимулирующей познавательную активность среде.

Проблема так называемой сильной взаимолнейности находит статистическое выражение в высоких корреляциях между социальным происхождением и IQ, что не позволяет дать окончательный ответ на вопрос, какой из этих факторов предопределяет удачу и жизненный успех. Чтобы решить эту дилемму, надо иметь полный спектр варьирования IQ и соответственно полный спектр социального происхождения для каждой величины IQ, что практически почти не реально. Можно, однако, искать способы, позволяющие разгадать хоть какую-то часть этой головоломки.

Приступая к анализу, сконцентрируемся исключительно на группе людей с высоким IQ, с которыми наши анкеты встретились двадцать лет спустя. Именно эта группа, насчитывающая 141 человека, стала объектом основного эмпирического исследования, проведенного в 1995 году. Период социально-политической трансформации в Польше, который совпал с началом их взрослой профессиональной и личной жизни, в силу его специфики делает собранный материал бесценным документом системных изменений и их влияния на жизненные судьбы людей, которым можно было прочесть, что благодаря своим интеллектуальным способностям, они лучше других справятся с жизненными задачами. Так ли все было на самом деле?

В 1995 году мы предположили “с допуском”, опираясь на результаты многих известных зарубежных исследований, свидетельствующие о большой стабильности измерений IQ, регистрируемых в разные периоды жизни человека [см.: 2; 16; 20; 22], что наши взрослые респонденты, отличавшиеся в детстве незаурядными коэффициентами интеллекта, с большой вероятностью сохранили столь же высокий интеллектуальный уровень и что он имел значение для их жизненных карьер, определяемых в таких измерениях социального положения, как уровень образования, профессиональный и материальный статус. Чтобы методологически изящно доказать это, следовало сравнить их жизненные достижения с достижениями группы жителей Варшавы того же возраста, подобранной методом случайной выборки. Однако это потребовало бы дополнительных исследований, что, к сожалению, было невозможно. В связи с этим мы решили использовать существующие, значительно менее строго подобранные контрольные группы [см.: 10; 11].

Мы сравнили собственно образовательные, профессиональные и материальные успехи одаренных тридцатилетних варшавян с достижениями респондентов из двух групп случайной выборки, охватывающих людей приблизительно той же возрастной группы, проживающих в таком же крупном городе, хотя и не метрополии.

Одна из этих групп, насчитывающая 103 человека обоих полов в возрасте 30–39 лет, которые проживают в двадцати самых крупных польских городах, состояла из респондентов общепольского исследования, вторая, насчитывающая 146 человек, охватывала исключительно мужчин в возрасте 30–36 лет, отобранных из числа жителей Лодзи. Эти группы с известными оговорками, особенно же первую из них, охватывающую лиц обоих полов, можно признать репрезентативными для совокупности молодых жителей больших городов и предположить, что распределение интеллектуальных компетенций респондентов в них имеет в равной мере репрезентативный, случайный характер.

И хотя мы осознаем, что нельзя говорить о полной сопоставимости достижений и судеб одаренных тридцатилетних варшавян с достижениями и судьбами не живущих в столице молодых людей в сопоставимом, но не идентичном возрасте, мы решили, что лучше использовать доступные референтные группы, принимая во внимание их несовершенство, чем вообще от них отказаться.

Как на фоне этих исследований вырисовываются образовательные, профессиональные и материальные достижения 32-летних, то есть в среднем немного младших жителей Варшавы, которые в детстве характеризовались высокими коэффициентами интеллекта? Давайте рассмотрим следующие диаграммы и данные таблицы.

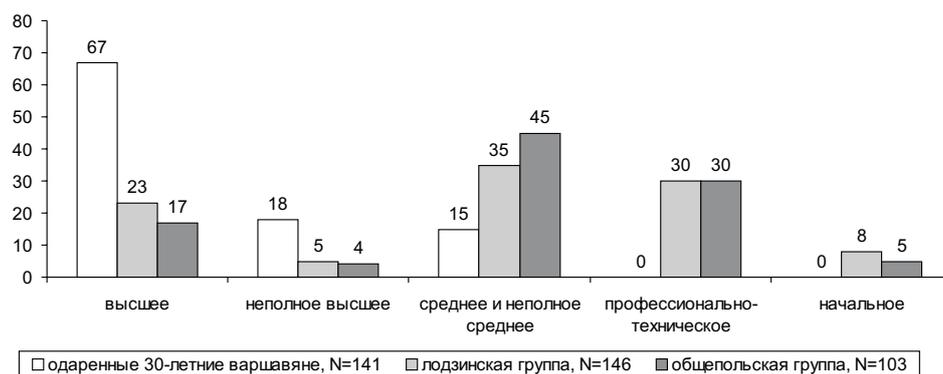

Рис. 4. Уровень образования одаренных тридцатилетних варшавян и их ровесников из лодзинской и общепольской контрольных групп, %

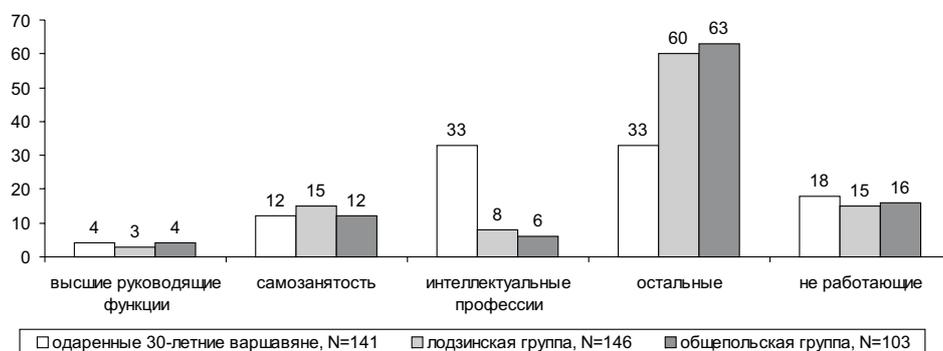

Рис. 5. Профессиональный статус одаренных 30-летних варшавян и их ровесников из лодзинской и общепольской контрольных групп, %

Таблица 1

Соотнесение высшего уровня доходов на одного члена домохозяйства* с уровнем образования в группе 30-летних одаренных варшавян и в контрольных лодзинской и общепольской группах, %

Уровень образования	Группы респондентов		
	одаренные 30-летние варшавяне	общепольская группа	лодзинская группа
Высшее	79,2 (766,7)**	32,0 (316,7)	47,1 (400,0)
Иное	76,2 (653,3)	7,5 (216,7)	12,5 (263,3)

* Определен на основании данных общепольского исследования (за исключением единоличных крестьян) — величина медианы составила 205,0 злотых; к высшему уровню относятся доходы не менее 450 злотых.

** В скобках дана величина медианы.

Подытоживая представленные выше данные, надо сказать, что по каждому из трех измерений социального статуса “вундеркинды” со временем занимают заметные высшие позиции, чем их ровесники из обеих контрольных групп: более двух третей из них, точнее 67% (в сопоставлении с почти каждым пятым, точнее 23% и 17% в контрольных группах), имеют высшее образование; почти каждый второй (49%) против почти каждого четвертого (24%) и каждого пятого (20%) в контрольных группах имеют профессии, занимающие высокие ступени в социально-профессиональной иерархии; наконец, почти 80% (в сравнении с 32% и 47% лиц с высшим образованием и только 8% и 13% лиц без высшего образования в контрольных группах) получают высокие доходы на человека в домохозяйстве.

Что, однако, интересно, высокий доход в группе “вундеркиндов”, собственно говоря, не зависит, как оказалось, от уровня образования, так как его получают и те, кто имеет высшее образование, и те, кто, несмотря на высокий IQ, не окончил высшего учебного заведения. Итак, тридцатилетние варшавяне — независимо от наличия диплома о высшем образовании — достигли в результате одинаково высокого уровня доходов. В то же время в контрольных группах ситуация выглядела иначе. Лица без высшего образования почти в пять раз реже, чем лица с высшим образованием, могли похвастаться столь же высокими доходами.

Представленные здесь результаты, похоже, достаточно однозначно указывают на то, что IQ, регистрируемый в возрасте 13 лет, может служить хорошим прогнозом жизненной карьеры, взятой в категориях образовательных, профессиональных и материальных успехов. Об этом говорят также радикальные расхождения в уровне таких достижений между людьми с высоким и низким IQ, как и менее резкие, но все же четкие различия между “вундеркиндами” и их ровесниками из контрольных групп, с предположительно нормальным распределением интеллектуальных компетенций.

Но, как я уже говорила раньше, мы не имеем права утверждать, что на нынешние достижения респондентов повлиял исключительно уровень их интеллектуальных компетенций, так как достижения эти, особенно образовательные, сильно зависели от воздействий социального окружения, обусловленного происхождением. Роль социального происхождения в высо-

кой степени проявилась в случае, правда небольшой (от 11% до 19%), группы лиц — выходцев из интеллигентных семей с низким IQ, которым удалось получить среднее образование (а одному даже защитить диссертацию в области права). Влияние среды так же отчетливо сказалось, на этот раз негативно, и на образовании лиц с высоким IQ, происходящих из неинтеллигентных семей, которым не удалось окончить высшие учебные заведения (в семьях, где родители имели в лучшем случае профессионально-техническое образование, такие люди составляли 61%, тогда как в семьях с высшим образованием родителей — только 15%). Следовательно, мы видим, что **неблагоприятное по уровню образования и образовательным запросам окружение помешало почти двум третьим талантливых детей получить высшее образование.**

Тот факт, что несмотря на это, им удалось подняться на столь же высокие ступени иерархии по профессиональному статусу и материальному положению, как и их ровесникам с цензом высшего учебного заведения, можно объяснить — в трудно поддающейся расчетам пропорции — с одной стороны, их высокими интеллектуальными компетенциями и чертами характера, а с другой — системными переменами, которые значительно расширили сферу жизненных шансов для людей предприимчивых, динамичных и интеллигентных. Особенно выразительно говорят об этом ответы исследуемых (объединенных в 35 пар, подобранных чрезвычайно тщательно в отношении IQ, то есть с идентично высоким IQ, но разным социальным происхождением — интеллигентным или неинтеллигентным)¹ на вопрос анкеты о том, какие из перечисленных 13 факторов имели положительное или негативное влияние на их жизненные карьеры либо никак не влияли.

Если говорить о факторах, положительно влияющих на жизненные карьеры, то и та, и другая группа людей усматривают их прежде всего в собственных способностях (91% — в группе I; 94% — в группе NI). Второе и третье место в группе с интеллигентным происхождением разделяют уровень образования и профессиональная квалификация (по 85%). Зато в группе с неинтеллигентным происхождением сначала идет характер (88%) и только затем — уровень образования (73%). Таким образом, наиболее важным фактором, влияющим на судьбы, оказались, в оценке исследуемых из обеих групп, их собственные способности. Именно это, по их мнению, является самым сильным рычагом их жизненных карьер. Однако стоит обратить внимание на то, что немного большее значение приписывают им люди из неинтеллигентных семей. Они также гораздо чаще усматривают источник по-

¹ Чтобы провести углубленный анализ влияния социального происхождения на жизненную карьеру, из всей группы одаренных тринадцатилетних отобраны пары лиц одного пола с максимально приближенными коэффициентами интеллекта по полной шкале (как вербальной, так и невербальной) WISC (различия в парах не превышали величины стандартных погрешностей). Пары противопоставлены по социальному происхождению таким образом, что каждый представитель интеллигентной семьи (в которой оба родителя имеют высшее образование и принадлежат к категории интеллигенции) сопоставлен с представителем семьи, в которой никто из родителей не принадлежал к интеллигенции (но, например, к категории служащих, техников или рабочих, поскольку, к сожалению, лица с высоким IQ, происходящие из других, чем интеллигенция, социальных слоёв или рабочих, были очень слабо представлены в первоначальных исследованиях [см.: 11, прил.].

ложительного влияния на свою судьбу в собственных чертах характера. Различия эти, хотя, на первый взгляд, и незначительные, весьма знаменательны, если учесть строгий отбор исследуемых групп. Если же в свете этих данных мы обратимся к существенным различиям в оценках роли социального положения родителей, влияние которых на жизненный путь люди интеллигентного происхождения считают благотворным значительно чаще (53%), чем их ровесники из неинтеллигентных семей (12%), — выводы напрашиваются сами. Представленные результаты отчетливо свидетельствуют о роли культурного капитала, которого явно недостает в неинтеллигентных семьях — происходящие из них одаренные дети могли рассчитывать прежде всего на самих себя — на собственный интеллект и на свойства характера.

Таблица 2

Влияние различных факторов на жизненные карьеры выходцев из интеллигентных (группа I) и неинтеллигентных (группа NI) семей, %

Факторы	Группа I N = 35			Группа NI N = 35			p
	Отсутствие влияния	Положительное влияние	Отрицательное влияние	Отсутствие влияния	Положительное влияние	Отрицательное влияние	
Состояние здоровья	35	59	6	35	53	12	NS
Способности	9	91	–	6	94	–	NS
Пол	70	21	9	44	50	6	0,04
Характер, склонности	9	70	21	9	88	3	0,07
Социальное положение родителей	47	53	–	79	12	9	0,001
Уровень образования	6	85	9	18	73	9	NS
Профессиональная квалификация	15	85	–	24	67	9	NS
Жизненный партнер	38	59	3	28	60	12	NS
Друзья, знакомые	53	44	3	42	55	3	NS
Религиозные убеждения	88	12	–	79	18	3	NS
Политические убеждения	91	6	3	94	3	3	NS
Социально-политические перемены в Польше	13	77	10	13	71	16	NS
Судьба, случай	35	62	3	36	55	9	NS

*Значимость различий определялась на основе теста χ^2 .

На четвертой позиции обе группы разместили с положительной оценкой социально-политические изменения в стране (77% и 71%). Лишь немногие представители обеих групп сочли системные и экономические изменения последних лет барьером на пути к успеху, зато большинство (более 70%) приняло их как фактор, положительно влияющий на их жизненный путь. Респонденты обеих групп довольно дружно отмечали преимущества свободного рынка, говоря о “больших возможностях для принятия самостоятельных решений в профессиональной сфере и в сфере частной собственности”, о “больших возможностях заработать деньги”, о “возможности более высокой оценки и вознаграждения их труда и способностей”, о “лучших возможностях ведения собственной хозяйственной деятельности”, о “больших возможностях заработка и развития”, о “больших надеждах на будущее и лучшей профессиональной конъюнктуре” и т.п. Отмечались также большая свобода жизни в новой общественной системе, чувство свободы, свобода перемещения, легальные формы активности. По оценке исследуемых, изменения системы открыли перед ними новые, более широкие возможности развития и профессионального роста, которыми они, как видим, сумели воспользоваться лучше и быстрее, чем несколько старшие респонденты из контрольных групп.

Стабильность IQ на протяжении почти четверти века

До сих пор наши рассуждения основывались на IQ респондентов, зарегистрированном в тринадцатилетнем возрасте, и на оценке его значения для дальнейших жизненных карьер, рассматриваемых в объективных показателях образовательного, профессионального и материального статусов.

Четвертое исследование, проведенное в 1999 году, дало возможность проверить, действительно ли лица с высоким либо низким коэффициентом интеллекта, зафиксированным в детстве, сохранили такой же уровень интеллектуальных компетенций, став взрослыми, то есть в возрасте 36 лет.

Таблица 3

Средний IQ в возрасте 13 лет по шкале интеллекта для детей Векслера (WISC) и в возрасте 36 лет, согласно Тесту матриц Равена в стандартной версии (TMS)¹

	Возраст и вид теста		N	r Пирсона между WISC и TMS
	13 лет (WISC)	36 лет (TMS)		
Верхняя группа средняя (SD)	131 (8)	124 (8)	97	0,49*
Нижняя группа средняя (SD)	78 (5)	87 (13)	49	0,35**

¹ Грубые результаты TMS были пересчитаны на среднюю 100 и стандартное отклонение 15.

* $p < 0,001$.

** $p < 0,05$.

Статистически значимые коэффициенты корреляции между измерениями интеллектуальных функций в возрасте 13 и 36 лет подтверждают мнение, что лица с высоким либо низким IQ, зарегистрированным в детстве, со-

храняют дифференцированные показатели и в зрелом возрасте. Однако речь идет не о высокой корреляции, а кроме того, что интересно, коэффициенты интеллекта лиц из “верхней” группы заметно снизились, зато у лиц из “нижней” группы возросли, достигнув почти вполне нормального уровня. Подробная интерпретация этих результатов требует отдельного анализа. Здесь же стоит пока заметить, что не очень высокие коэффициенты корреляции между результатами, полученными в возрасте 13 и 36 лет, можно объяснить следующим:

- изменчивость IQ в пределах каждой группы является относительно низкой, так что корреляции не могут быть высокими;
- измерения интеллектуальных функций в возрасте 13 и 36 лет выполнены при помощи двух разных тестов: WISC является тестом общего интеллекта и состоит из серии вербальных и невербальных тестов, а TMS — исключительно невербальный тест, измеряющий так называемую обучаемость, характерную для гибкого интеллекта [15];
- тест TMS в силу организационных и финансовых соображений проводился с ограничением времени до 20 минут, чего, в принципе, нельзя делать [см.: 15]; это ограничение привело к снижению результатов почти на 10 пунктов [см.: 12], то есть преуменьшению подлинной корреляции между результатами обоих тестов.

Рассматриваемые здесь результаты трудно сравнивать с зарубежными данными, так как, во-первых, мы очень редко имеем дело с исследованиями, в которых отрезок времени между измерениями IQ превышал бы несколько лет [см.: 20], а во-вторых, в моих исследованиях использованы два разных инструмента измерений: WISC и TMS. Приводимые в литературе корреляции между результатами, полученными по обоим тестам (касающиеся главным образом детей, в основном протестированных в одно время), колеблются в границах от 0,54 до 0,86 для англоязычных детей и молодежи и почти от 0,30 до 0,68 для неанглоязычных детей и молодежи [см.: 20, с. 53]. К сожалению, я не нашла исследований, которые показывали бы корреляции между WISC и TMS, тем более с учетом того, что один тест проводится в детстве, а второй — во взрослом возрасте. Единственные данные, которые можно в принципе принять как отправную точку, касаются только результатов по TMS и связаны с немецким исследованием группы детей и молодежи (1000 чел.), тестируемых первый раз в шестом классе, а затем в 20–21-летнем возрасте. “По истечении четырех лет получен коэффициент достоверности, равный 0,61, который через одиннадцать лет снизился до 0,46” [цит. по: 20, с. 49]. Это величины одного порядка с полученными в моем исследовании ($r = 0,49$ и $r = 0,35$).

Взвесив все перечисленные выше ограничения моих исследований (а именно то, что они касаются однородных по уровню интеллектуальных функций групп и что использовались два разных измерительных инструмента — TMS и WISC, а также что TMS проводился с ограничением времени) и вместе с тем принимая во внимание беспрецедентный промежуток времени между измерениями — почти 25 лет — можно считать, что корреляции между IQ, полученными в 13- и 36-летнем возрасте, в действительности еще выше.

В целом можно сказать, что одаренные подростки — несмотря на снижение IQ со временем — наверняка сохранили во взрослом возрасте свой незаурядный ум. С другой стороны, их менее способные ровесники значительно

улучшили свои интеллектуальные компетенции. Этот последний результат связан с известным из литературы явлением улучшения в зрелом возрасте интеллектуальных функций тех лиц, которые в детстве часто считались чуть ли не умственно отсталыми, особенно если они были выходцами из бедных семей, воспитанными в нездоровом окружении [5; 7].

Показатели чувства жизненного успеха одаренных варшавян

Наконец, вернемся к исследованиям 1995 года, в которых я изучала не только жизненные карьеры, рассматриваемые в категориях объективных показателей, таких как образование, профессия и материальный статус, но также субъективные критерии оценки своего жизненного успеха со стороны одаренных тридцатилетних исследуемых, их чувство успеха или же неуспеха, а также различные показатели этого чувства. Анализируя два первых вопроса на фоне аналогичных данных, зарегистрированных в репрезентативном общепольском исследовании [см.: 9], можно было убедиться в том, что одаренные варшавяне, в отличие от заурядных поляков, оценивающих жизненный успех главным образом сквозь призму материального успеха, чаще всего понимают удачу прежде всего как самореализацию, удовлетворенность своей жизнью, исполнение мечты, одобрение самого себя. Они также значительно чаще (две трети против трети заурядных поляков) признают, что им удалось добиться жизненного успеха [11].

Чтобы определить, какие факторы в биографии одаренных молодых варшавян связаны с их чувством, что они добились успеха в жизни, я обращаюсь к богатой базе накопленных в исследовании социодемографических и личностных измерений, а также связанных с социализацией и общественным статусом [см.: 11, разд. VII].

В числе исследуемых показателей успеха оказались блоки переменных, отражающие семейное окружение (в том числе социальное происхождение, контроль над ребенком), образовательные компетенции начиная с периода средней школы, нынешнее семейное положение, профессиональный статус и материальное положение, а также контрольные блоки биологических и интеллектуальных (состояние здоровья, пол, IQ в возрасте 13 и 36 лет) личностных переменных. Из анализа многократной регрессии следует, что наибольшее значение для чувства достигнутого успеха (22% объясняемой вариантности) имели собственно личностные факторы, и прежде всего высокая самооценка ($\beta = 0,59$).

Только на втором месте (14,6% вариантности) оказались факторы, связанные с материальным положением и профессиональным статусом (позитивная оценка собственного материального положения — $\beta = 0,42$; высокий профессиональный уровень — $\beta = 0,35$). Стоит также отметить важную для чувства успеха роль брака ($\beta = 0,26$).

Среди блоков переменных, касающихся более раннего периода жизни, заслуживают внимания образовательные компетенции (10,4 вариантности), а особенно сильная мотивация обучения ($\beta = 0,40$) и высокая самооценка в школьном возрасте ($\beta = 0,29$). Воспитательная среда в самом раннем возрасте существенно не повлияла на ощущение успеха у наших тридцатилетних интеллектуалов — с одним любопытным исключением, касающимся

контроля над ребенком: чем менее строг он в детстве, тем больше чувство жизненного успеха в зрелом возрасте ($\beta = 0,27$).

Зато ни социальное происхождение, ни IQ в возрасте 13 и 36 лет не имели, при прочих равных условиях по остальным 25 переменным, существенного влияния на нынешнее ощущение жизненного успеха. Однако следует помнить, что исследуемая группа была довольно однородна по этим двум факторам, так что не приходилось ожидать, что их влияние сможет проявиться более выразительно.

Заключение

Суммировать собранный здесь материал не просто, поскольку речь шла о четырех исследованиях, каждое из которых изобиловало интересными, как я думаю, результатами. Ограничусь утверждением, что из представленных данных отчетливо следует, что IQ можно признать хорошим основанием для прогноза жизненной карьеры, взятой в традиционных, объективных категориях социального статуса. Однако, во-первых, мы не можем его получить в чистом виде из-за множества условий среды, линейно взаимосвязанных с IQ, когда же это удастся (как в случае лиц с одинаковым IQ, но разным социальным происхождением), мы видим, в какой значительной степени его прогнозирующую силу может ограничивать неблагоприятное социальное происхождение; главным образом это касается образовательных шансов. Во-вторых, оказывается, что IQ теряет свое значение для прогнозов жизненного успеха, взятого на этот раз в субъективно-психологических категориях, в группе с равно высоким уровнем интеллектуальных функций. Чувство успеха определяют главным образом личностные факторы, такие как стабильно высокая самооценка.

Закончу статью полемическим акцентом в контексте тезисов Гернштайна и Мюррея, с тем чтобы не фетишизировать роль IQ и помнить о других важных показателях карьеры и жизненного успеха.

Литература

1. Anastasi A. Differential Psychology. — N. Y., 1958.
2. Bayley N. Consistency and Variability in the Growth of Intelligence from Birth to Eighteen Years // Journal of Genetic Psychology. — 1949. — 75. — P. 165–196.
3. Bouchard T.J., Lykken D.T., McGue M., Segal N.L., Tellegen A. Sources of Human Psychological Differences: The Minnesota Study of Twins Reared Apart // Science. — 1990. — Vol. 250. — P. 223–228.
4. Dobzhansky T. Różnorodność i równość. — Warszawa, 1979.
5. Firkońska-Mankiewicz A. Epidemiologiczne i socjologiczne badania nad upośledzeniem umysłowym // Zeszyty Naukowe PiPS. — 1974. — S. 9–25.
6. Firkońska A., Ostrowska A., Sokółowska M., Stein Z., Susser M., Wald I. Cognitive Development and Social Policy // Science. — 2000. — S. 1357–1362.
7. Firkońska-Mankiewicz A., Czarkowski M. Środowisko społeczno-kulturowe a zdrowie (na przykładzie upośledzenia umysłowego) // Studia Socjologiczne. — 1986. — 3(102). — S. 199–210.
8. Firkońska-Mankiewicz A. Spór o inteligencję człowieka. — Warszawa, 1993.
9. Firkońska-Mankiewicz A. Czym jest sukces życiowy dla współczesnego Polaka. Kontekst socjodemograficzny i psychospołeczny // H. Domański, A. Rychard (red.). Elementy nowego ładu. — Warszawa, 1997. — S. 303–330.

10. *Firkowska-Mankiewicz A., Zaborowski W.* Kariery życiowe uzdolnionych nastolatkiw warszawskich // *Kultura i Społeczeństwo*. — 1997. — 4. — S. 155–165.
11. *Firkowska-Mankiewicz A.* Zdolnym być... Kariery życiowe warszawskich trzydziestolatków. — Warszawa, 1999.
12. *Firkowska-Mankiewicz A.* Inteligencja a kariera i sukces życiowy. — Maszynopis, 2001.
13. *Herrnstein R.J., Murray Ch.* The Bell Curve: Intelligence and Class Structure in American Life. — N. Y., 1994.
14. *Hussun T.* The Influence of Schooling upon IQ // *Theoria*. — 1951. — 17. — P. 61–88.
15. *Jaworowska A., Szustrowa T.* Test Matryc Ravena w wersji Standard TMS. — Warszawa, 2000.
16. *Jensen A.* Bias in Mental Testing. — N. Y., 1980.
17. *Kohn M.L.* Two Visions of the Relationship between Individual and Society: The Bell Curve versus Social Structure and Personality // P.Moen, D.Dempster-McClain, H.A.Walker (ed.). *A Nation Divided. Diversity, Inequality and Community in American Society*. — Ithaca; London, 1999.
18. *McGue M.* Nature-nurture and Intelligence // *Nature*. — 1989. — Vol. 340. — S. 507–508.
19. *Plomin R.* Genetics and Experience. The Interplay between Nature and Nurture. — Thousand Oaks, 1994.
20. *Raven J., Raven J.C., Court J.H.* Podręcznik do Testu Matryc Ravena oraz Skali Siownikowych. 3. Wersja Standard (TMS). — Warszawa, 2000.
21. *Scarr S.* IQ, Race, Social Class and Individual Differences // *New Studies of Old Problems*. — Hillsdale (N. J.), 1981.
22. *Siomczyński K.M., Mach B.* The Impact of Psychological Resources on Status Attainment: Poland, 1978–1980 and 1992–1993 // *Polish Sociological Review*. — 1996. — 4(116). — P. 337–352.

Перевод с польского Юлии Краснопольской